

Вячеслав СОДОЛЬ

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В МОЛДАВСКОЙ ССР НА РУБЕЖЕ 1940-1950-Х ГГ.

После окончания Великой Отечественной войны в Молдавии было восстановлено действие Конституции республики, 102-я статья которой провозглашала обеспечение свободы совести, отделение церкви от государства и школы от церкви. Она же признавала за всеми гражданами свободу отправления религиозных культов, как и свободу антирелигиозной пропаганды¹. Тем не менее, существовала необходимость выработки и принятия нормативных актов, которые бы обеспечили практическую реализацию новой государственной церковной политики. В этом особенно нуждались православные монастыри, находившиеся на территории СССР, положение которых, в отличие от приходских храмов, не было определено даже подзаконными актами. Между тем многие из них представляли собой крупные трудовые коллективы, имевшие в своем пользовании различные земельные угодья, мастерские, которые государство могло использовать в различных целях.

Первая попытка определения места обитателей в жизни государства была предпринята 22 августа 1945 г., когда Совет народных комиссаров (далее СНК) СССР принял постановление, предоставлявшее патриархии, епархиальным управлениям, приходским общинам ограниченные права юридического лица². Оно же предписывало местным властям впредь до особых указаний не препятствовать деятельности мужских и женских монастырей, сохранять их здания, инвентарь и скот³.

Через неделю, 29 августа 1945 г., Постановлением СНК СССР № 2215 монастыри были освобождены от уплаты налогов со строевых и от земельной ренты, а монашествующие – и от налога на холостяков⁴.

В дальнейшем, после обследования инспекторами Совета по делам Русской православной церкви (далее РПЦ) практически всех мона-

стырей в СССР, было издано Постановление Совета Министров (далее СМ) СССР от 29 мая 1946 г. № 1130-463 «О православных монастырях». Оно определяло, что в Молдавской ССР и в прибалтийских республиках монастырям передавались в бесплатное бессрочное пользование не только церковные здания и культовое имущество, но также и находившиеся на их территории жилые и хозяйственные постройки. В прочих союзных республиках в бесплатное бессрочное пользование монастырей передавались только церкви и культовое имущество, а жилыми и хозяйственными постройками монастыри пользовались на основании арендных договоров, заключенных ими с местными Советами⁵. Подобное различие в подходе властей к имуществу монастырей, находившихся в различных регионах страны, на наш взгляд, было вызвано различными историческими условиями, в которых они находились до начала Великой Отечественной войны. Из-за значительной религиозности местного населения и скорого начала войны наступление государства на церковь в 1939–1941 гг. не успело зайти настолько далеко, как на остальной территории СССР, и не было столь же всеобъемлющим. Осуществление коллективизации в это время носило не сплошной, а выборочный характер, поэтому монастыри сохранили здесь за собой не только культовое, но и часть недвижимого имущества – земли, мастерские и пр. После завершения войны, следовательно, у местных обитателей, за исключением нескольких случаев, не возникло необходимости заключать арендные договоры с местными властями. Помимо этого, видимо, в отношении монастырей Молдавии оказала влияние нормализация отношений между Русской и Румынской православными церквями, достигнутая в ходе визита в Бухарест делегации от Московской патриархии во главе с епископом Иеронимом (Захаровым)⁶.

Спустя некоторое время положения майского документа были расширены и уточнены уже Постановлениями СМ Молдавской ССР № 572-с от 8 июня 1946 г. и № 1087-с от 14 ноября 1946 г. В соответствии с ними, в частности: а) за существующими в МССР православными монастырями закреплялись находившиеся в их пользовании земельные угодья (пахотная земля, луга, огороды, фруктовые сады, виноградники, пруды и проч.) для коллективного пользования монашествующими; б) все строения, в том числе церковные здания, и культовое имущество передавались в бесплатное пользование монастырей; в) запрещалось отчуждение и изъятие у монастырей земель без разрешения на то Совета Министров МССР; г) государственным и общественным организациям, учреждениям запрещалось размещаться на территории монастырей или же распоряжаться постройками и землями, закрепленными за ними⁷. При этом по-прежнему продолжа-

ло действовать решение СНК МССР 1940 г., по которому все монастырские леса были включены в Гослесфонд и состояли в ведении Управления лесоохраны⁸.

Исключительная ситуация сложилась в это время в Ново-Нямецком монастыре с. Кицканы, все земли которого после освобождения края перешли в пользование восстановленного совхоза «Копанка». Таким образом, насельники этой обители остались фактически без средств к существованию. Для разрешения возникшей проблемы настоятель монастыря архимандрит Филадельф (Сорочан) в течение 1944–1945 гг. многократно обращался в местные и центральные республиканские органы власти, обоснованно полагая, что «нет необходимости брать все, как в 1940 г., ибо такое отношение поставит насельников на грань голодной смерти, лишив возможности прокормиться своим трудом»⁹. Он просил выделить для монастыря хотя бы 10 га пахотной земли и 2 га виноградников¹⁰. Данная проблема, казалось, была разрешена 10 ноября 1945 г., когда СНК СССР постановил выделить Кицканскому монастырю в его пользование из ранее принадлежавшего ему земельного фонда, находившегося уже в пользовании совхоза «Копанка», пахотной земли 20 га, виноградника и сада по 5 га¹¹. Однако директор совхоза Алексеев проигнорировал это распоряжение, заявив руководству обители, что ему нужно для его исполнения специальное указание т. В.М. Молотова. По этому поводу настоятель монастыря остроумно заметил: «Мы думаем, что предмет нашего спора не имеет международного значения и не требует вмешательства НКВД Союза»¹².

Решение проблемы землевладения Кицканского монастыря заняло длительное время. Так, даже 1 марта 1946 г. настоятель Кицканского монастыря сообщал уполномоченному, что «совхоз Копанка не знает о приказе ... о передаче монастырю 20 га земель и 5 га виноградника и землю не дает»¹³. Потребовалось повторное вмешательство СМ МССР весной 1946 г., разрешившее, наконец, этот вопрос, и монастырь получил выделенные ему земли.

Мы предполагаем, что в ходе реализации постановления монастырь отводились не самые лучшие угодья. По сохранившейся объяснительной записке к бланку Всесоюзной переписи многолетних насаждений за 1945 г. по совхозу «Копанка», из 1 788 га садов в результате наводнений в годы войны 1941–1944 гг. погибло 912 га. «Деревья в основном старые, которые требуют большого агроухода – расчистки, ремонта дулл, удаления сушника и пр.». В совхозном винограднике из 65 697 шт. погибло 28 305 кустов (43 %)¹⁴. Виноградники были старыми и требовали больших восстановительных работ¹⁵. Совхоз попросту не мог выделить лучших участков, даже если бы очень захотел.

Несмотря на регламентирование ключевых вопросов монастырского землепользования указанными выше постановлениями союзного и республиканского правительств, на местах нередко возникали конфликтные ситуации между монастырями с одной стороны и колхозами и совхозами — с другой. Арбитром в решении хозяйственных споров весьма часто становился уполномоченный Совета по делам РПЦ по Молдавской ССР, т. к. отчуждать монастырские угодья без его согласия и разрешения Совета Министров республики было запрещено. Тем не менее, местные органы этот запрет нарушали, особенно когда в МССР с новой силой стала осуществляться коллективизация крестьянских хозяйств (1949–1950 гг.), прерванная в 1941 г. в связи с началом войны.

Как известно, состоявшийся в начале февраля 1949 г. II съезд Компартии Молдавии определил, что социалистическое переустройство сельского хозяйства — главная задача республиканской партийной организации¹⁶. Эта установка активизировала работу на местах по кооперированию крестьян. В течение января-марта 1949 г. было организовано 337 новых сельхозартелей. Массовым стало вовлечение крестьян в артели в центральной группе районов, где наиболее были развиты виноградарство и садоводство. Колхозный сектор стал объединять 32 % пахотных земель¹⁷.

В это же время новые колхозы предпринимают попытки захвата земель у Варзарештского, Цыповского, Гинкуловского, Кушеловского, Сербештского, Добрушского, Жабского, Гыржавского, Курковского, Таборского, Гировского, Припиченского и Сахарнянского монастырей¹⁸. В некоторых случаях предприимчивые председатели колхозов и землемеры пытались отчуждать у обитателей уже обработанные и засеянные озимыми культурами земли. Например, 11 марта 1949 г. руководители местного колхоза при содействии землемера отняли у Гинкуловского монастыря земли, уже обработанные и засеянные пшеницей, с виноградником и огородом общей площадью 37,5 га.¹⁹

Для разрешения этой проблемы и предотвращения повторения схожих с ней в исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся Ниспоренского, Котюжанского, Страшенского, Киперченского и других районов Молдавии, по представлению уполномоченного Совета Петра Николаевича Роменского, в марте 1949 г. были направлены телеграммы СМ МССР, запрещавшие отбирать монастырские угодья²⁰. По рекомендации Совета по делам РПЦ местному руководству предложили заменять спорные монастырские владения угодьями на свободных землях государственного фонда. Отчуждение же земель, занятых монастырями под виноградники и сады, Совет, «с учетом обстановки, имеющейся в Молдавии», считал несвоевременным делом,

тем более, что шло сокращение монастырей путем их слияния, сопровождавшееся передачей всего их имущества в распоряжение местных советских органов²¹.

Так, в целях «ликвидации чересполосицы» в 1949 – 1950 гг. произошли обмены между Гинкуловским, Кушеловским, Курковским, Гировским, Каларашовским, Гыржавским, Речульским и другими монастырями с местными колхозами («8 Марта», «Вяца Ноуэ», им. Дмитрова, им. Котовского, им. Мичурина и др.)²². При этом, как правило, колхозы стремились забрать у монастырей их лучшие участки, прежде всего поливные угодья, а взамен предлагали земли, требовавшие применения серьезных агромероприятий²³.

Но были и противоположные ситуации, когда руководители обителей обращались к уполномоченному с просьбами разрешить им сдать государству часть своих земель. Среди причин подобного явления можно выделить следующие: прежде всего, в условиях социалистического государства, запрещавшего использование наемного труда, при практически полном отсутствии тяглового скота самостоятельно монашествующие не могли освоить имевшиеся в их распоряжении угодья. Еще одной причиной, затруднявшей обработку земель монастырями, было большое количество среди их насельников лиц нетрудоспособного возраста и инвалидов, доходившее до 30 %²⁴. В результате многие монастыри, обремененные также обязательствами по уплате налогов и внесения обязательных натурпоставок, предпочитали добровольно отчуждать часть своих земель, оставляя себе лишь те земли, которые монашествующие могли обработать самостоятельно. Так, в течение 1945-1948 гг. различным организациям (лесхозам, мельтрестам, районным земельным отделам, автоколонне, районным финотделам, туберкулезному санаторию «Варничены», промартели им. Тимошенко, колхозам и пр.) часть своих земель передали Курковский, Кондрицкий, Гыржавский, Гинкуловский, Каприанский, Сербештский, Цыганештский мужские монастыри²⁵. Эти обители передали в общей сложности мирским учреждениям 204,9 га пахотных земель, 92 га фруктовых садов, 16,5 га виноградников и 153,1 га других угодий. По тем же причинам от части своих земель добровольно отказались Варзарештский, Таборский, Кушеловский и Жабский женские монастыри²⁶. Они передали местным организациям 67 га пахотных земель и 28,5 га других угодий.

В дальнейшем конфликтные взаимоотношения имели место лишь между Кицканским монастырем и колхозом «Красный садовод».

Так, в начале 1950-х гг. по новому землеустройству о всеобщем массиве сады Кицканского монастыря вошли в колхозный земфонд. Правление колхоза «Красный садовод» заявило монастырю о необхо-

димости обмена земельными участками, т. к. колхоз организовал оросительную систему, которая пролегла через монастырскую землю. Кроме того, монастырские рабочие до своих садов добирались через колхозный массив, что представляло собой большое неудобство. Для монастыря был выделен участок 11,5 га на берегу р. Днестр, однако на нем располагались 13 дворов колхозников²⁷. Колхоз обязался выселить эти семьи в том же 1954 г., но в течение почти трех лет этого не делал²⁸. К разрешению возникшей проблемы был привлечен Бендерский райсовет, исполком которого 15 ноября 1956 г. принял решение о том, что, поскольку «при проведении гидромелиоративных работ трубопровод от насосной станции до орошаемого массива садов колхоза «Красный садовод» был проложен по садовому участку, находящемуся в землепользовании Кицканского монастыря, и хозяйственная ценность этого участка потому значительно снизилась, считать претензии Кицканского монастыря к колхозу «Красный садовод» о замене обесцененного участка другим обоснованным и ... просить Совет Министров Молдавской ССР разрешить произвести обмен смежного с землепользованием колхоза необлесенного участка Гослесфонда площадью 1,5 га в урочище «Рептура» на равновеликую площадь граничащего с Гослесфондом пахотного участка из землепользования колхоза в районе с. Меренешты»²⁹.

Однако вопрос был закрыт лишь 21 февраля 1957 г., когда был произведен обмен земельными участками между колхозом и Кицканским монастырем. Монастырь передал колхозу чересполосный участок «сад Булавкина» в 1,46 га (из них сад 1,16 га). Взамен он получил по соседству с основным садовым массивом прирезку в трех местах общей площадью 1,5 га (из них пашни из урочища «Рептура» 0,85 га и леса 0,65 га)³⁰.

Урегулирование отношений православной церкви и государства в ходе войны уже в первые послевоенные годы было закреплено декретами принятия нескольких постановлений правительства как Союза, так и Молдавской ССР. Монастыри, находившиеся на территории республики, оказались в привилегированном положении в сравнении с обителями на остальной территории СССР. Однако столь резкий поворот руководства государства от нажима на церковь к сотрудничеству с ней воспринимался на местах как временное явление, что негативным образом отражалось на взаимоотношениях молдавских монастырей с местной гражданской администрацией. Особенно острые поземельные взаимоотношения складывались между монастырями и хозяйствующими субъектами (колхозами, совхозами) в период осуществления коллективизации в Молдавской ССР на рубеже 1940-х – 1950-х гг., когда вновь созданные коллективные хозяйства

стремились решить насущные проблемы за счет ресурсов православных обитателей. Имевшиеся противоречия удавалось разрешить лишь путем подключения центральных республиканских либо высших органов управления государством.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Конституция (Основной закон) Молдавской Советской Социалистической Республики. Кишинев, 1947. С. 24, 25.
2. *Шкаровский В.М.* Русская православная церковь и Советское государство в 1943-1964 гг. От «перемирия» к новой войне. СПб., 1995. С. 26, 27.
3. *Иосиф (Павлинчук), иеромонах.* Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год. Ново-Нямецкий монастырь, 2004. С. 224.
4. Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 3046. Оп. 1. Д. 24. Л. 11.
5. Там же. Л. 26.
6. *Цытин В.* История Русской церкви. 1917– 1997. М., 1997. С. 353.
7. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 26. Л. 121.
8. Там же. Оп. 2. Д. 364. Л. 25.
9. *Иосиф (Павлинчук), иеромонах.* Указ. соч. С. 223.
10. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 2. Л. 135.
11. Центральный государственный архив Приднестровской Молдавской Республики (ЦГА ПМР). Ф. 421. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
12. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.
13. Там же. Оп. 2. Д. 351. Л. 126.
14. ЦГА ПМР. Ф. 415. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
15. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 351. Л. 110.
16. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 2002. С. 273.
17. Там же. С. 273.
18. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 29. Лл. 11, 13, 14, 36, 43, 54, 180, 213; Там же. Оп. 2. Д. 345. Л. 74; Там же. Д. 347. Лл. 86, 87; Там же. Д. 355. Л. 30; Там же. Д. 363. Лл. 60, 61; Там же. Д. 364. Л. 96.
19. Там же. Оп. 1. Д. 29. Лл. 71, 72.
20. Там же. Оп. 1. Д. 29. Лл. 11, 13, 14, 43, 54, 71, 72; Там же. Д. 41. Л. 257.
21. *Пасат В.* Трудные страницы истории. Кишинев, 2000. С. 344, 345.
22. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 29. Л. 36; Там же. Оп. 2. Д. 346. Л. 50; Там же. Д. 349. Л. 126; Там же. Д. 356. Л. 95; Там же. Д. 363. Л. 61.
23. Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 11; там же. Оп. 2. Д. 349. Л. 126.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 18. Л. 117.
25. Там же. Оп. 2. Д. 686. Л. 8; НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 6. Л. 13; Там же. Д. 15. Лл. 3, 62, 85, 124; Там же. Д. 24. Лл. 93, 196, 204, 205; Там же. Д. 41. Л. 48; Там же. Оп. 2. Д. 346. Лл. 21, 22, 44; Там же. Д. 347. Л. 3; Там же. Д. 350.

- Л. 37; Там же. Д. 352. Л. 25; Там же. Д. 354. Лл. 5, 18, 28, 35.
26. Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 81; Там же. Оп. 2. Д. 364. Лл. 69, 70, 80.
27. Там же. Д. 73. Л. 9.
28. Там же. Л. 10.
29. ЦГА ПМР. Ф. 427. Оп. 5. Д. 41. Л. 1.
30. Там же. Л. 3.

Подписка 2011

На международный исторический журнал

Русьны

объявлена подписка в Республике Молдова

Подписной индекс - 31808

Журнал выходит четыре раза в год

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи

**Отдельные номера журнала можно приобрести
в Общественной ассоциации «Русь»
(тел. для справок (+373 22) 28-75-59)**